

The book cover features a dark, atmospheric background with a window in the upper left. The window has a gothic-style frame with pointed arches. A black and white portrait of Winston Churchill is visible through the window. The overall color palette is dominated by dark blues, greens, and browns, with some highlights of yellow and red. The text is overlaid on the right side of the cover.

Леонид
Завальнюк

*Три
поэмы*

В критическом
сопровождении
Александра Белого

Леонид Андреевич Завальнюк
Три поэмы. В критическом
сопровождении
Александра Белого

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36263367

*Три поэмы / Л. А. Завальнюк; предисл. А. А. Белого: Алейя; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-906980-99-1*

Аннотация

В книге представлены три поэмы Леонида Завальнюка: «В пути», «Осень в Благовещенске» и «Планета Зет, или Дерево веселья», впервые публикуемые цельным корпусом. Л. Завальнюк – поэт одаренный, с очень своеобразным охватом действительности: в симбиозе добра со злом, серьезности со смехом. Поэтому каждой из поэм предпослано предисловие, раскрывающее понимание поэтом проблематики современного человека, его пути к «самостоянию», непростые отношения поэта с Богом и разумом, настоящим временем жизни страны и возможными вариантами будущего.

Виталий Вульф так охарактеризовал поэта: «Леонид Завальнюк – поэт Божьей милостью, человек скромный, тихий, думающий и нигде не расплескивающий себя. Поражает, когда

читаешь стихи этого поэта, его предвосхищения, его прозрения, и кажется, что он угадал, как будут развиваться события, не исторические, а как будет меняться сознание человека, к чему человек может прийти».

Книга рассчитана на широкого читателя, заинтересованного в открытии новых поэтических имен.

Содержание

Предуведомление	5
«В пути» к самому себе	8
В пути	26
Вступление	26
Глава первая	31
Глава вторая	47
Глава третья	63
Глава четвертая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Леонид Завальнюк

Три поэмы. В критическом сопровождении Александра Белого

Предуведомление

Временем как океаном

Прокрасться, не встревожив вод...

М. Цветаева

В конце концов так и получилось – от славы ушел, остался невидимым. К тому и стремился. Быть знаменитым тоже считал «некрасивым», иначе не написал бы:

... Чем выше дар, тем каторжней закон:
Не жаждой счастья иль иной подачи —
Самим прозреньем ты прикован к тачке...

Речь о современном поэте – Леониде Завальнюке. «Великую четверку» (Ахматова – Цветаева – Пастернак – Мандельштам) он читал, но не подражал. Ни по рождению, ни по воспитанию аристократом не был. К лапидарным форму-

лам «великих» подходил близко, но по-своему. Цветаева в эссе об искусстве оговаривала, что адресуется к тем, для кого «Бог – грех – святость – есть». Несколько позже таких людей можно было перечесть по пальцам. Завальнюк будто с неба свалился, когда писал:

Есть в одиночестве полет,
Неизъяснимая отрада.
Никто не ищет – и не надо!
Но бог не ищет и не ждет.

«Кораблю современности» с Богом было не по пути. Но одиночество было чем-то большим, чем оппозиция власти. Оно сохранилось и тогда, когда наваждение социализма отошло в прошлое, новые ценности (в том числе и православные) прокладывали себе дорогу:

С какого года я?
Я ни с какого года.
Родился вместе с вами, жил, умру.
Все с вами. Но не ваш.

Стихотворство было и призванием, и работой Завальнюка. Им опубликовано более 20-ти сборников, масса стихов осталась в столе. По своему типу поэзия Завальнюка ближе всего к медитативной лирике с сильной философской «прядью» – характерной особенностью русской нетрактатной ма-

неры ответа на извечные проблемы неопределенности человеческого бытия. Вне этой «родословной» восприятие поэтического языка и выговариваемого с его помощью миротношения поэта рискуют оказаться сильно упрощенными. Сοблазн поспешной оценки особенно легко может подвести читателя поэм Завальнюка. Посему мы позволим себе сопроводить каждую из публикуемых в этом издании поэм отдельным предисловием.

* * *

Поэма «В пути» публикуется по первому изданию: Леонид Завальнюк. За отступающим горизонтом. – Благовещенск, 1956. – С. 27–102.

Поэма «Осень в Благовещенске» публикуется по тексту, подготовленному вдовой поэта Н. М. Завальнюк и Ю. М. Гофманом, внесшим исправления по рукописи с правкой Л. Завальнюка.

Поэма «Планета Зет или дерево веселья» публикуется по тексту, предоставленному Н. М. Завальнюк. За небольшими расхождениями он совпадает с текстом, опубликованным в сборнике: Леонид Завальнюк. «Планета Зет». – М.: Зебра Е, 2006. – С. 303–355.

«В пути» к самому себе

Бельй А. А.

Первую главу своего романа в стихах Пушкин назвал «большим стихотворением», как будто разница между большими и малыми формами стиха незначительна. Конечно, она есть, но Пушкин все же прав, если иметь в виду общность лирической стихии. Лиричность большой формы – поэмы – стала отличительным знаком выдающегося явления прошедшего века – поэзии «шестидесятников». Лирическая поэма позволяла дать выход сложным процессам осмысления событий внешнего мира, преломляя их в душевные состояния субъекта. Леонид Андреевич Завальнюк (1931–2010) принадлежит тому же поколению. На этом, кажется, сходство и кончается, ибо в одной обойме с ними он не находился, никакого участия в «эстрадных» чтениях стихов не принимал. Возможно, он не разделял и самого пафоса «шестидесятников», исповедовавших веру в «социализм с человеческим лицом». Если это действительно так, то его поэмы, т. е. отраженный в них внутренний мир, представляют интерес как одна из скрытых, но реализованных форм личного бытия в «советском» мире. Это тем более важно, что просуществовавшее 70 лет советское мышление, чуждое личностному началу, до сих пор дает о себе знать, во многом опре-

деляя каналы восприятия сегодняшнего мира.

Завальнюком написаны три поэмы. Первая – «В пути» – опубликована в книге «За отступающим горизонтом», выпущенной в Благовещенске в 1956 году. Автор – еще студент литературного института. Боюсь, что она воспринимается как первая проба пера в овладении большой формой и воспринимается «вполнакала». Но есть детали, наводящие на мысль, что наши «предмнения» (Гадамер) упрощены. Рукопись подписана к печати в августе 1956 г., т. е. всего через полгода после XX Съезда партии. А начата поэма в 1953 г. Это важно подчеркнуть, чтобы заметить совершенно выпадающее из идеологического ряда, сопряженного с паническим страхом перед сталинскими «органами», замечание о стартовых позициях лирического героя: «отмолчался он от комсомола». Странно, что цензура «проглотила» эту строку. Вступление в комсомол было чуть ли не обязательной стадией «пути» советского юношества, и «молчание» было чревато самыми неприятными последствиями. Такую «небрежность» прощали только уличной шпане, на чью политическую несознательность смотрели сквозь пальцы. Но и от нее автор отделяет своего героя: «улица его не приняла». Эти детали наводят на мысль, что в свои 22–23 года Завальнюк, в отличие от массы своих современников, вышел за рамки советского стандарта, и его поэма для своего анализа требует совсем иного инструментария, чем лирико-гражданская поэма «шестидесятнической» обоймы.

И в самом деле, чуть ли не каждый шаг поэмы «В пути»¹ кажется логически уязвимым и вызывает вопросы.

Название книги, вобравшей в себя поэму, соединяет идею «пути» с перспективами жизни 18-летнего юноши. Мечты о том, каким он хотел бы стать и на какое развитие событий надеется, корректируются реальностью: одни растворяются, другие нарождаются. Само будущее претерпевает метаморфозы, ставит иные цели, их достижение снова оказывается неблизким, оправдывая тем самым метафору «отступающего горизонта». Об исходной мечте сказано в Предисловии. Она вполне типична для умонастроения молодого человека – о славе и представляет собой тривиальный романтический сумбур, бунт против «мыслей, заскорузлых, как ворот», сравнение жизни с боем:

Завтра я уйду навстречу бою
По дороге схваток и атак,
Чтоб на ней померяться с судьбою,
Чтобы жизнь свою прожить
Вот так!

Казалось бы, мечты героя достаточно для начала повествования о том, «куда уходят люди, которые о славе говорят», но тут оказывается, что идея «славы» не первостепенна. Лишь в конце поэмы она даст о себе знать как «слава

---

¹ *Завальнюк Л.* За отступающим горизонтом. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1956. С. 27.

мастера». Военная терминология тоже окажется условной: героя забросит в армию, и автор представит этот период не как внешнее подчинение закону о воинской повинности, а как событие самостроения, обретения внутреннего закона и внутренней формы. Именно в армии герой станет не солдатом, а мастером, о котором пойдет добрая молва. Но это все – после, а сейчас стоит дать себе отчет в различии между сообщаемыми нам внешними фактами и тем, что они представляют, в частности, их символическим смыслом.

В первую очередь это касается самого героя. Это не тот розовощекий юноша, которого подсовывает нам воображение. Да и проблемы, которые ему предстоит решать, – не юношеские. Их следовало бы назвать «экзистенциальными», если бы подобные слова были в ходу в 50-х годах. Авторское внутреннее задание – философского плана, он ищет «начала всех начал» в человеке, чьи «ростки живые»

...таятся в том далеком дне,
Когда с сиротством собственным впервые
Остался человек наедине.

В соответствии с этим посылом задаются смыслоопределяющие события в жизни героя – военное, голодное детство, смерть отца на войне, позже – смерть матери. Но об отношениях с отцом и матерью – ни слова. Из последующего «пути» отец и вовсе изымается, а вот мать еще нужна.

С нею в поэму вводится новая фигура, призванная «за-

сесть в уме» юноши. Это вызванный к умирающей матери «лысый эскулап», которому пришлось констатировать летальный исход. Поведение «эскулапа» герой объявляет циничным. Обвинение звучит весьма странно, ибо врач не всемогущ и от него нельзя требовать невозможного. Но герой неистовствует, сует в руки врачу халат, требует не терять времени. Гиперчувствительность героя неестественна, намеренно взвинчена автором, чтобы прикрыть истинную причину возмущения:

Нельзя же смерть спокойно пропускать,
Не возражая ей, не протестуя!

Оно (возмущение) сродни романтическому бунту против несправедливости Бога, его «равнодушия» к физической смерти человека:

А он (*врач*) стоял ненужный, словно тень,
И столько равнодушья в постной mine!..
Он был доволен, очевидно, тем,
Что он ни в чем формально не повинен.

Этой «максимой» и вызвано переживание оставленности, когда есть только «одинокость – как камень». Религиозное «подводное течение» выйдет на поверхность в конце поэмы неожиданным пассажем о «Храме божьем с колоколенкою древней». Она «два века / Сверху вниз смотрела/ На землю,

на дома и на людей», а вот теперь «поселилась в клиросе тоска. И паствы нет». Внешне, т. е. в чисто фабульном отношении, пассаж кажется чужим, немотивированным, подтверждая тем самым, что на бесчувственного «лекаря» ложится особая нагрузка. Именно он, его безразличие вызвало в герое страстное желание стать...врачом.

Я б, может, стал
Таким врачом со злости,
Каких на свете не было еще.

Разговор о враче возобновляется в «Главе второй». Любопытно, что автора особо волнуют глаза лекаря. Трижды говорится, что они «бутылочно-зеленые». Зеленые глаза считаются большой редкостью. Бутылочно-зеленый цвет – холодный. В таком качестве они вполне соответствуют холодному темпераменту лекаря. Но зеленые глаза могут восприниматься иначе. Католикам известен документ под названием «Послание Лентула». В нем упоминается, что взгляд Христа – прямой, пронзительный, глаза сине-зеленые, выразительные. Вполне возможно, что именно это значение первично. Окуджава, с которым Завальнюк был знаком, пел «Господи, мой Боже, / Зеленоглазый мой!». Дополнительные ассоциации вносит легкий штрих надмирной сущности лекаря:

Ты стар и слаб.
Я промолчу.

Я скрою.

Но если б к прошлому тебя я возвратил,
Ты б за дорогой моего героя,
Должно быть, слишком пристально следил.

Не только пристально, но и со злорадством по поводу неудач героя, поддерживая и усиливая тем самым скрытый мотив связи героя с богом и бунта против него.

С помощью всех этих едва уловимых оттенков обрисовывается вопрос о бытии человека: пока был Бог, все было просто. Когда он стал «стар и слаб», все усложнилось. Проблематика, как видим, лежит в стороне от политики, столь близкой «шестидесятникам». Завальнюка волнует не частное (отношения власти и человека), а общее – как жить в присутствии смерти. Это и есть поиск пути.

На этом пути и происходят неожиданные вещи. К главной из них и переходит автор, «танцуя от печки» – от богов:

Мы холодны к богам, что дали греки,
Другим огнем, по-новому, горя,
Мы чтим любовь,
Что запрягает реки,
Рождает пресноводные моря...

То есть речь о любви. Она ушла из мира (за реки и моря). Потому на героя поэмы она может только «свалиться». Именно таким способом «нежный полудетский про-

филь/Ему весь мир однажды заслонил». Об этой девочке еще будет два-три раза упомянуто, но к сути поэмы она не имеет отношения. Мотив любви нельзя оставить незамеченным, имея в виду вторую поэму «Осень в Благовещенске». Там она будет развернута во всем своеобразии авторского понимания, а в данной поэме любовь – едва заметная частность. Она вводится без подготовки и автор не знает, что с ней делать: «Я видел их,/ И что меж ними было, / Я не берусь сказать наверняка».

Рамками «человек – Бог» обозначены самые общие ориентиры поэмы. Нам предстоит разбирательство в ее внутренней проблематике. Для первых шагов важны дополнительные, менее четкие грани образа врача.

Не странно ли, что врач-пенсионер, к тому же вдовый, удалился «на природу»:

Он для стола
Гусей себе разводит,
А для души —
Зобатых голубей.

Русский слух здесь без труда узнает скрытую цитату:

Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живет, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций,³

Разводит уток и гусей.

Словом, на врача падает тень поэта – Горация. Аура, объединяющая врача и поэта, втягивает в поле видимости еще одно имя – Боратынского, утвердившего законность ауры: «болящий дух врачует песнопенье»².

Теперь уже нельзя пройти мимо частоты немотивированных упоминаний поэта и поэзии. В первой же главе повествователь «вдруг» сообщает, что его герой, «не на шутку становясь поэтом, / Он вирши никудышные «тачал». Формальная мотивировка – влюбленность – не в счет, ибо нежное чувство значительно слабее клокотавшей в душе героя «неведомой силы», что «его в дорогу дальнюю звала».

Во второй главе, тоже «вдруг», раздается вопрос «Скажи, поэт, за что же я побит?». Стало быть, герой находится в прямом собеседовании с автором. Сам по себе этот прием не новость: весь «Евгений Онегин» построен на «дружбе» автора с героем. Но у Пушкина они разведены, границы между ними четко обозначены. В поэме Завальнюка эти границы не очевидны. Так, в третьей главе заявляется, что

Прочувствовать «печенками» железо,
Как цвет,

---

² У Боратынского зеленый цвет – главный в приложении к миру земному, красота которого переживается на контрасте с мраком смерти. См.: *Пушкова С. В.* Символика цвета в художественном мире Е. А. Боратынского. elar.urfu.ru/bitstream/10995/31805/1/evf_2011_.

Как стих, —
Не каждому дано.

С трудом верится, что слесарю было рукой подать до поэзии. Того же типа «далековатое сближение» повторено в четвертой главе:

...делать ведра —
Это так же сложно,
Как понимать хорошие стихи.

В той же четвертой главе автор и герой подаются уже как фигуры тождественные:

Здесь емче слова звонкое железо.
Здесь нужен был
Поэт и металлист.

В этой «матрешке» – «поэт» внутри «металлиста» – отобразилась ключевая особенность поэтической манеры, Завальнюка, того приема, который он сам назвал «письмами к самому себе»³. В этом смысле все стихотворное повествование следует понимать как разработку в диалогической форме определенной философской идеи, важной для авторского мироотношения в целом.

Суждение о поэме с позиций «реализма» ошибочно, да-

---

³ Завальнюк Л. Планета Зет. – М.: Зебра Е, 2006, с. 13.

ет искаженную картину с очевидными прорехами в логике. Возможно, именно этими «погрешностями», оставлявшими впечатление смелости, но и неопытности молодого поэта в большой форме, было обусловлено «милостивое» отношение цензуры середины 50-х годов к поэме вчерашнего солдата. Об экзистенциальной проблематике – богооставленности, одиночестве, духовной независимости – в России заговорят лет через десять. Она будет приживаться через Камю и Сартра, так что Завальнюка следовало бы считать пионером-одиночкой, обреченным на непонимание. Есть резкое и принципиальное мировоззренческое различие между ним и большинством его современников. Что бы он ни вкладывал в метафору «пути», она была связана с неизвестным будущим, а для «шестидесятников» – с прошлым, с возвратом к «ленинским нормам», «социализму с человеческим лицом». Можно только удивляться тому, что 25-летний поэт мог так оторваться от современников. Но что же все-таки скрыто в этой метафоре?

Мы уже не раз проговорились, что «путь» героя выглядит довольно нелепо. Если исходная ситуация (послевоенная разруха, завод, работа слесарем) еще укоренена в послевоенных реалиях, то последующие «шаги» – полотер, актер – кажутся сплошным сумбуром. Этот «карьерный рост» обрывается службой в армии, в ходе которой он становится жестянщиком. Поэт пошел на сильнейший риск, избрав для своего героя такую эмоционально непривлекательную профес-

сию. Более того, он прославляет армейские порядки в поэме гражданской, далекой от военной тематики. Почему? Потому что и профессия, и служба – метафоры того же порядка, что и «путь». В «армии» Завальнюка не учат убивать, герой становится не солдатом, а жестянщиком, но мастером своего дела. Всем известна разница между жизнью «гражданской» и жизнью «мобилизованного», что позволяет очень органично, т. е. незаметно, представить переход от одной к другой как смену порядка жизни. Раньше герой жил мечтами, первая из которых – о славе. Ради нее он хотел стать врачом и махал ланцетом как рыцарским мечом:

А он идет – и отступает тленье,
Он буйствует с ланцетом, как гроза.

В фантастическом сне он видел себя «Шляпинным и Мочаловым в одном лице», грезил, что его «путь лежит на Альпы, / Сквозь царство снега, смерти и ветров». Именно в этом аспекте получает свое значение не бог весть какая максима: «армия – единственное место, / Где учат делать, а не говорить».

Армия в поэме Завальнюка приняла на себя несвойственную ей, с современной точки зрения, роль учителя нравственных законов («Не пить, / Не ныть. / Не бегать в самоволку, / Быть честным, смелым, сильным / И т. д.». Это стоит подчеркнуть, не как само собой разумеющееся, а как

«новое слово», ибо в советское время этика перестала существовать, потеряла свое общечеловеческое значение, стала «классовой», т. е. оправдывающей любое (зло)деяние с позиций классовой борьбы. Несколько позже именно нравственная проблематика выдвинет «военную прозу» (вслед за «деревенской») в центр литературы 60-70-х годов. В нравственно-этическом поле свернута и должна раскрыться метафорика «жестянщика» – мастера по изготовлению ведер.

По Н. Арутюновой, в русском языке эмоции человека представляются как жидкие тела, наполняющие его душу и сердце и принимающие форму сосуда. По афоризму К. Пруткива, например: *«Почти всякий человек подобен сосуду с кранами, наполненному живительною влагою производящих сил»*⁴. Ирония Завальника – того же типа:

Открою мысль простую, как сапог.

Что есть ведро?

Ведро сиречь посуда.

Но эта «посуда» есть и сама душа. Так и понимаются строки Пушкина: «душа моя полна тобою». Оба смысла совмещаются в слове «поэзия». Она есть форма выражения чувств, а поэт – мастер по изготовлению этих форм. Отсюда такое важное место приобретают «ребра жесткости». Особенно ощутимы они в форме сонета. Странно звучащее, но

---

⁴ Арутюнова Н. См. ее пример. vk.com/doc62414560_161417690.

настойчиво утверждаемое в поэме тождество «поэт=металлист» имеет полное право на существование.

Теперь уже, оглядываясь назад, можно попытаться рассеять туман над странным, оставлявшим ощущение надуманности, решением автора поэмы ввести «театр» как этап на жизненном пути героя. Для этого автору пришлось изобрести некую актрису, разглядевшую в юноше-полотере потенциал актера («когда-нибудь сыграешь все равно». Герой-таки вышел на сцену в бессловесной роли, но:

Пускай ему не пели дифирамбов.

«Доспехи» снял,

От счастья чуть дыша.

При армейской регистрации его так и записали: «По роду службы – / Слесарь,/ А по последней должности – / Актер». Ведра принесли герою ту славу, о которой он когда-то мечтал. Заказывая «посуду», народ требовал, чтобы ее делал именно «Актер». Его труд ценили: иные за «руки», другие за «голову», а третьи (самые проникательные) говорили не о качестве исполнения заказа, а о «правде», и находили ее, «как минимум, в душе». В поэте, в самом деле, есть что-то от бессловесного актера. Когда Пушкин читал в своем кругу отрывок из «Бориса Годунова», публика была в восторге во все не от игры автора. В поэме Завальнюка сделанная «Актером» вещь казалась «чудом:

Так часто удавалось сгоряча
Расчеты заменить
Догадкой вѣщей,
Найти,
Чего никто не потерял.
Он делал удивительные вещи,
Используя подручный матерьял.

Итак, усложненная метафоричность, «двойная спираль» поэмы призваны передать сложный путь молодого человека в поэзию, осознания себя поэтом и уверенности в своем призвании. Но... с таким поэтом надо держать ухо остро.

Мы проскочили мимо овладевшего поэтом «философического зуда». В этом состоянии мало уравнивать «ведро» с «посудой». Есть не менее важный разворот, в котором «ведро» получает смысл «границы двух эпох».

При всей ироничности тона, сказанное кажется весьма для автора важным, но рассчитанным на догадливость читателя и потому в открытую не развитым. Не исключен намек на потрясшее всех «эпохальное» событие – смерть Сталина. Тогда протягивалась бы связь к строке, проскользнувшей в самом начале поэмы: «Все было так,/ Как будет в коммунизме,/ По представленью любящих поесть». Насмешливое признание «зуда» означает не отрицание серьезности (дискредитированной советской «диалектикой»), а замену старой, исчерпавшей себя философии, новой, что позволяет понять «границу эпох» в значении смены концепций мира и чело-

века, смещения центра тяжести с коллективного на личное. Предупредительный знак этого смещения был дан в изначальном представлении героя как обособленного человека, сторонившегося общего (поездного) коллективизма. А знаком того, что автор нашел органичный для себя новый философский ориентир, был выбор символов (которым мы уделили столько внимания, поскольку на них держится поэма) – жестяничка и ведра. Символы скандально просты, столь же далеки от идеалов советского времени, сколь далека проповедь о «нищенстве духа». Неестественная приземленность и монашеский «запашок» выдают нарочитость авторской мысли, опору на аргументацию, игнорирующую престижность профессии.

Она была почерпнута не из книг. В поэме честно сказано, что герой «незнанья вовсе не скрывал». Старая актриса пыталась приобщить его к книгам:

Она с особой радостью давала
Свои святые книги пареньку.
Но с тайной грустью все ж подозревала,
Что он читает их через строку.

Его знания, скорее всего, были получены из третьих рук, сам образ «ведра» выдает речевую среду типа фольклорной, питаемой как книжными, так и бытовыми источниками. Языковая среда, в которой вырос Завальнюк, – украинская, хранящая память о «старчике», народном Сократе – Григо-

рии Сковороде. Вот у него, действительно, есть почти тождественный пример, прославляющий не жестянщика, правда, но изготовителя другого вида посуды – горшков. Ведущая идея – **найти себе сродное**: «стану последнейшим **горшечником**, <...> имея сродность к гончарному делу».⁵ Сковорода и пояснит нам суть дела: «Внемли себе и послушай господя своего. <...> Он один знает, что тебе сродное, то есть полезное. Сам он и поведет к сему, зажжет охоту, закуражит к труду, увенчает концом и благословением главу твою»⁶. Герой поэмы Завальнюка, став жестянщиком, достиг высокого мастерства и высокой оценки в глазах людей. По логике, развиваемой Сковородой, этого и должно было ожидать. Поняв, «к чему ты рожден, да будешь для себя и для братии своей более полезным, нежели чужие советы и собственные твои стремления»⁷.

Отношения Завальнюка с религией не просты, а поэма не дает оснований углубляться в детали. Заметим только, что предпоследняя часть завершающей главы начинается с «исторического экскурса» – эмоционально нейтрального рассуждения о «немудрящей церквушке», которая когда-то была гордостью старожила, а теперь «смотрят новостройки на гордую старуху свысока». Как есть, так и есть, но будь она не

---

⁵ Сковорода Г. Разговор, называемый алфавит, или букварь мира / Сковорода Г. Соч. в 2-х тт. – М., Мысль, 1973, Т.1. – С. 421.

⁶ Там же. С. 420.

⁷ Там же.

нужна автору, в поэму бы не попала. Но вернемся к «сродности».

Найти себе сродное – значит найти себя. Поэма достигла логического конца и мы можем повторить за автором: «Мы, как умели,/ Разобрались в главном». Герой обрел точку опоры, впереди – уже иные пути. Один из последующих сборников стихов так и будет назван – «Дальняя дорога». Автор мог бы повторить вслед за Андреем Платоновым, которого очень любил: «Три вещи меня поразили в жизни – дальняя дорога в скромном русском поле, ветер и любовь. Дальняя дорога – как влечение жизни, ландшафты встречного мира и странничество, полное живого исторического смысла».

В пути

поэма

Вступление

Перебрав воспоминаний ворох,
Прежнее увидишь наяву.
...Лебеда, растение задворок,
Тянет к небу пыльную листву,
Воет пес протяжно и тоскливо,
Сыч кричит,
Да где-то вдалеке
С дубом разговаривает ива
На своем древесном языке.
Тишь и темень...
Даже ветер гулкий
Присмирел
И только, чуть дыша,
Сонно бродит в темном переулке,
Старыми афишами шурша.
Кто-то вяжет тьму на звездных спицах
И того постичь не может, нет,
Отчего в такую ночь не спится
Человеку в восемнадцать лет.

В юности,
Вернее, в позднем детстве,
Мы в подвалы фактов не стучим.
Упиваясь красотой следствий,
Мы почти не ведаем причин.
Выборы дороги...

Время это
У меня еще не за горой.
Я бы мог помочь тебе советом,
Молодой, неопытный герой.
Только это – об стену горохом:
Для таких напутствия не в счет.
Всех ушедших по чужим дорогам
Ни один бухгалтер не сочтет.
Эх, дороги...

Нанести б на карты
До деталей каждую из вас
И однажды выложить на парты:
Дескать, получай, десятый класс,
Поклонись, мол, напоследок школе
И шагай до цели напрямик...

Если я и предложу такое, —
Ты подарок этот не прими.
Жизнь – маршрут,
Но если вдруг его ты
Зазубришь, как заданный урок, —
Скучной сразу станет до зевоты

Самая крутая из дорог.
Ничего не хочется добиться,
И не знаешь, на кого пенять...

Может, это надо —
Ошибиться,
Чтобы сердцем истину понять.

* * *

Не ночная свежесть виновата —
Парень от волнения продрог.
Что ни говори, а трудновато
Выбирать из тысячи дорог.
– Оробел, должно быть?
– Нет, не очень.
– В чем же гвоздь?
– Решиться не могу...
– Ты бы объяснил, чего ты хочешь,
Я тебе, пожалуй, помогу.
– Ты устанешь слушать.
– Не устану.
– Ты смеяться будешь...
– Никогда!
– Станешь отговаривать...
– Не стану.

- Я хотел бы... славы!
- Славы?
- Да!

Вырваться на трассу,
А затем бы
Позабыть о всяких тормозах.
Ненавижу черепаши темпы,
Рыбье равнодушие в глазах!
Ненавижу плесенью заплывших,
Хоть окурки об него туши!
Ненавижу в двадцать лет наживших
Стариковский геморрой души!
Мысли, заскорузлые, как ворот,
Ненавижу более всего.
Ненавижу этот скучный город,
Пыльное спокойствие его!
Завтра я уйду навстречу бою
По дороге схваток и атак,
Чтоб на ней померяться с судьбою,
Чтобы жизнь свою прожить
Вот так!

И со сна,
О грунт споткнувшись слепо,
Ветер вдруг ударил в небосвод,
Приступ астмы покоробил небо,
Чуть отхлынул, вновь окреп,
И вот —

Только туч распластанные гроздя,
Только пыли выюжные столбы...
Душное, безмолвное предгрозые
Вдруг над миром стало на дыбы.
В грохот грома,
Как в зубовный скрежет,
Вековую боль свою вложив,
Небо полыхающее режут
Молний раскаленные ножи!..

В отблесках зари золотокудрой,
В мощном громе грозовой пальбы
Над странюю занималось утро —
Утро человеческой судьбы.

Глава первая

1

Что ни толкуй, а все же искони
Дорожной грустью все болеют, право.
Веселый окрик:
– Эй, ямщик, гони!..
А в грудь польется пряная отрава.
Ну, то понятно:
Что за скорость? —
Воз.
Да, может быть, еще трясет жестоко.
А тут —
Взревел горластый паровоз,
Пробили буфера,
И мимо окон
Поплыл вокзал, стандартный,
Как всегда,
На маловажных станциях Турксиба.
Киоск зеленый:
«Пиво и вода».
И водокачка с флюгером красивым:
На шпиле – конь,
Который, по велению

Степных ветров, вертелся, говорят,
А ныне, по причине заржавленья,
На север скачет много лет подряд.
Картофельная темная ботва
И та гряда, где в детстве, не без риска,
Не из нужды, а так – из озорства —
Он воровал морковку и редиску.
Кудрявые зеленые газоны,
Куда приводит парочки весна.
И площадь та, где вечно глухо стонет
Надколотая молнией сосна...
А вот уж и землянки потекли —
Замшелых крыш затейливый орнамент,
И горы свежевывнутой земли,
И всюду ямы, ямы – под фундамент.

А поезд мчит. И за окном бегут
Разъезда будки,
Плавно, как на лыжах.
Далекий медицинский институт
Уже на десять километров ближе.
Четвертый семафор с поднятою рукой...
По сторонам – веселые посевы...
Давно уж скрылась башня
И на башне конь,
С таким упорством скачущий на север.

Не можем ездить мы, не беспокоясь,
Что где-то неотложные дела,
Не можем не бранить курьерский поезд
За то, что скорость поезда мала,
За то, что вот не мчит, как ветер, нас он,
А катит, словно старая арба,
За то, что он – подумайте! – по часу
Стоит у телеграфного столба...

Но вот в купе «отсушен» дубль-пусто,
И местный весельчак и остролов
На остановке сбегал за капустой
Для флотских новоявленных «козлов».
И если те, кляня размер и вялость,
Грызут ее старательно, с душой, —
Считайте, что поездка состоялась,
Как говорили раньше – «на большой»!
Вам сутки вдвое кажутся короче,
Короче втрое кажется прогон.

Взошла луна. Темнеет.
Дело к ночи.
Шумит вагон, волнуется вагон.
И этот шум, и смех неугомонный,

И стук костяшек
Дружно создают
Какой-то безалаберный, вагонный,
Но славный, не стесняющий уют.
И кажется, что в этом общежитии
Друг с другом каждый тыщу лет знаком.
– Посудинку, мамаша, одолжите,
А ты, орел, слетай-ка за чайком!
«Орел» моментом обретает крылья,
Схватив кофейник, мчится, как стрела.
А тут уже и чемодан накрыли
Для расширенья площади стола.
Без приглашений сходятся соседи,
Расселись все компанией простой,
И затрепал от всякой вкусной снеди
Большой импровизированный стол.
Порылась в узелке своем старушка,
В бауле покопался старичок —
Папаша ест мамашины ватрушки,
Мамаша ест папашин балычок.
Потом орехи чьи-то хором грызли,
Скорлупки – в кучку, чтобы меньше мечь.

Все было так,
Как будет в коммунизме,
По представленью любящих поесть.

Из всей компании один, пожалуй,
На этот братский ужин не попал.
На средней полке в этот час лежал он
И неукрытый, вздрагивая, спал.
И чтобы из окна не прохватило
Юнца, избави боже, сквозняком,
Старушка сердобольная накрыла
Его огромным клетчатым платком.
На добром слове вряд ли ошибусь я,
Хоть самовольно выскажу его:
Спасибо вам, хорошая бабуся,
От имени героя моего.

Ценитель незаигранных прелюдий,
Его искал я много лет подряд.
Я знать хотел, куда уходят люди,
Которые о славе говорят.
Пусть на виски скорее ляжет проседь,
Чем на бумагу первая из строк, —
Я должен знать,
Куда его забросит
Вот этот диковатый гонорок,
Который век не уживется с ленью
И, беспощадно сердце теребя,

Не раз заставит взвыть от сожаленья,
Что «Дон-Кихот»
Написан до тебя,
Что до тебя
Можайский стал крылатым,
Что до тебя
Джордано был сожжен,
Что без тебя
Уже разбужен атом
И вдвое большей силой укрощен...
Я должен знать,
Какие проявленья
Неведомая молодость найдет,
Как человек другого поколения
Знакомые зачатки разовьет.

Мы старше чуть.
У нас, как говорится,
Чубы, как смоль, в сердцах огонь горит.
Мы в 45-м начинали бриться
И неокрепшим басом говорить.
Мы с первых дней войны входили в моду,
Нам в 43-м не было цены:
Для каждого колхоза и завода
Большой подмогой были пацаны.
Одежда и заботы не по росту,
Порой и все семейство на плечах...
Мы рано научились думать просто
О самых перепутанных вещах.

Мы рано сердцем ощутили братство
Романтики и повседневных дел
И дикий гонор
Заковали в рабство,
Чтобы не мы, а он на нас потел.

Но ходят слухи, что по старым прошвам
Судьба кладет замысловатый след,
Что непременно
Где-то в дальнем прошлом
Начало всех падений и побед.

Возможно, так.
Приму на веру кротко
И возвращусь, десятком строк всего,
К началу
Биографии короткой
Строптивного героя моего.

4

Когда у вас чужих воспоминаний
О вашем раннем детстве нет,
Оно
Лежит спокойно где-то в подсознании,
Как светлое, неясное пятно.

И первое, что в памяти осталось,
Что впитано навечно, всем нутром,
Для моего героя начиналось
С суровых слов:
– От Совинформбюро!..

Из звуков помнит он —
Кидавшийся на стены,
Назойливый и липкий, как смола,
Под крышей где-то
Дикий вой сирены
И острый взвизг разбитого стекла.
Он помнит —
В «щель» пробившееся небо,
Вокруг земля, чадящая, как трут,
Деревья развороченные мрут...
Из сладостей он помнит
Сладость хлеба,
Колочего и черного, как грунт.
...Нестройные походные колонны,
Пучок морщин у жестких глаз отца,
А после —
эшелоны,
эшелоны
И снова эшелоны без конца...

В мельчайшие подробности вдаваться
Мне надо бы, когда я говорю
Про страшно длинный путь эвакуации,

Направленный куда-то на зарю,
Про холод,
Что навис над всей планетой
И в комнатах нетопленных крепчал...
Но я уверен,
Что не только в этом
Искомое начало всех начал.
Я знаю, что его ростки живые
Еще таятся в том далеком дне,
Когда с сиротством собственным впервые
Остался человек наедине.

5

Дорога. Снег. Уходит батальон.
Отец в шинели, на ремне подсумки.
А через год угрюмый почтальон
Явился в дом
И долго рылся в сумке...

С тех пор и мать не вынесла, слегла.
В лице покой и тихая усталость,
И холод...
Только капелька тепла
В глазах ее прищуренных осталась.
Когда ж и этот огонек ослаб

И еле-еле теплился часами,
Пришел
Какой-то лысый эскулап
С бутылочно-зелеными глазами.
Не отерев сапог, вошел он в спальню,
Пощупал пульс веснушчатой рукой
И сухо бросил:
– М-да. Исход летальный.
Все кончено.
Надежды никакой.

Его тогда до судорог взбесила
Циничность в заключении таком.
Ты слышишь,
Облысевшее бессилье, —
Спаси ее, не думай о другом!
Хоть попытайся выход отыскать,
Вот твой халат,
Не трать минут впустую.
Нельзя же смерть спокойно пропускать,
Не возражая ей, не протестуя!

А тот стоял ненужный, словно тень,
И столько равнодушья в постной mine!..
Он был доволен, очевидно, тем,
Что он ни в чем формально не повинен.
Потом глухая ночь.
И ты один.
И это одиночество – как камень.

Лишь сумрак все по комнате бродил,
Лица касаясь влажными руками.
Хотелось вдруг с постели соскочить,
И, высадив плечом двойную раму,
На землю стать
И резко ощутить
Колючий снег под босыми ногами,
Такое сделать что-нибудь с собой,
Чтоб это вдруг сознания лишило,
Чтоб резкая физическая боль
Хотя б на миг
Другую заглушила.

Мне б рассказать,
Как скрежетом зубов
Он отвечал на жалость и заботу
И как, уйдя от даровых хлебов,
Он, как к родне,
Направился к заводу.
О том, как он уже в пятнадцать лет,
Разбередивши гордость, злое чувство,
Всей болью ссадин постигал секрет
Сурового слесарного искусства.
Мне б рассказать о том,
Как билась школа,
Стремясь вовлечь его в свои дела,
Как отмолчался он от комсомола,
Как улица его не приняла,
Как он, на всех насупившись порою,

По месяцу ходил с зажатым ртом,
Как бредил он каверинским героем
И сам себе не признавался в том,
Как грезил он весенних вишен цветом,
Как десять классов по ночам кончал...
Но я уверен,
Что не только в этом
То самое начало всех начал.

6

Мы холодны к богам, что дали греки.
Другим огнем, по-новому, горя,
Мы чтим любовь,
Что запрягает реки,
Рождает пресноводные моря.
Но все ж порою греческая мера
Еще берет,
берет сердца в полон,
И хочется, чтобы она – Венера,
Чтобы влюбленный —
Это Аполлон...
А если ты нескладнейший детина,
А если пара рук, как два весла,
И откровенно рыжая щетина
На месте шевелюры проросла?..

Не знаю, что – улыбка, губы, брови ль,
А может, взгляд
В дорогу поманил,
Но только нежный полудетский профиль
Ему весь мир однажды заслонил.
А тень надежды родила тревогу.
И, словно прозревающий слепец,
Он целый год все ожидал подвоха,
И не дождаься, поверил, наконец.
И незаметно схлынула усталость,
К которой он годами привыкал,
И только, как проклятие, осталась
Все та же немость и боязнь зеркал.

Природу трудно упрекнуть в повторах..
Ее законы каждому ясны,
Но есть пора, по образу которой
У нас сложился
Идеал весны.
И кажется, что если снова станет
Когда-нибудь для сердца грудь тесна,
На землю непременно вновь нагрянет
До мелочей похожая весна.
И так же встанет месяц остророгий,
И так же дрогнет огонек в окне...

Я видел их.
По парку, без дороги
Они идут в вечерней тишине.

А по земле бредет весна босая,
Ковры проталин под ноги стеля,
А ветер, на деревьях нависая,
Шумит, вершины сосен шевеля,
А снег спешит холодной мокрой ватой
Под каждый куст упрятаться хитро,
И пахнет воздух почкой горьковатой,
И давит,
давит сердце на ребро.
Найди слова и дай излиться пыли.
Не губы, нет,
Чтоб хоть в руке рука.

Я видел их.
И что меж ними было,
Я не берусь сказать наверняка.
Я мог бы только рассказать,
Как била
Его душа во все колокола,
Как буйная, неведомая сила
Его в дорогу дальнюю звала,
Как, не на шутку становясь поэтом,
Он вирши никудышные тачал...
Но я уверен,
Что не только в этом
То самое начало всех начал.
И если даже правда то,
Что в прошлом
Пунктиром прошив грядущее дано —

То этим самым пресловутым прошвам
Назавтра лишь
Родиться суждено.

В нем – тьма начал,
А победит какое,
Никто не вправе говорить пока.
Возможно, это
Ненависть к покою,
А может —
Нелюдность бирюка.
А может...

Я бы тут немало
Того и этого еще сказал,
Но слышите —
На стрелках застучало,
Но видите —
На вас бежит вокзал.
С веселым шумом в город вытекает
Транзитных душ бесчисленный поток,
И где-то вдалеке уже мелькает
Бабуси нашей клетчатый платок.

И мне, не тратя времени напрасно,
Вслед за героем надобно итти,
И все неясное да станет ясным
В ошибках,
В столкновениях —

В пути.

Глава вторая

1

Из тьмы огней
Узор спокойный вышит,
Мерцает сонно обская вода.
Каким-то тихим благодушьем дышат
Огромные ночные города...

Но только верить этому не надо,
От радужных иллюзий откажись.
У города
Лицо иного склада —
Лицо мужчины, знающего жизнь.
Он перед всеми двери отворяет,
Он самых хилых не встречает злом,
Но каждого пришельца проверяет
На стойкость,
На изгиб
И на излом.
К его душе не заржавела дверца,
Ты хоть началом дела угоди.
Но если ты пришел с порожним сердцем,
Пока не поздно,

Лучше уходи.

Мне до сих пор твоя суровость снится.
Мне не забыть вовек твоих обид.
Но я готов сегодня поклониться
Тебе, огромный город на Оби.
Твоим заводам,
Что во мне будили
Душевный зуд, корчующий старье,
Твоим театрам,
Что меня стыдили
За дикое невежество мое.
Мне б не спеша опять пройтись по залам,
Где я к искусству приникал порой,
Да некогда.
Пора идти к вокзалу,
Где первый раз заночевал герой.

2

Вокзалы все похожи друг на друга.
На каждом вечно ожидает вас
Та самая нервическая скука,
Что зародилась у билетных касс.
Терпеть ее – невысшимое бремя,
Когда уснуть не может человек.

Ему казалось,
Охромело время,
Ему казалось,
Ночь продлится век.
И не успел, по-августовски жидкий,
Рассвет прильнуть к оконному стеклу,
Он сгреб свои нехитрые пожитки
И зашагал в предутреннюю мглу.
Упругий ветер ринулся навстречу,
Росой зари пропитанный уже.
Он шел и шел.
И расправлялись плечи,
И легче становилось на душе.
Свет фонарей, неяркий и короткий,
Вдали наплывы заводских дымов
И серые огромные коробки
В 30-м понастроенных домов —
Все по рассказам было так знакомо,
Так узнавалось просто и легко,
Что он почувствовал себя, как дома,
Впервые здесь от дома далеко.
Он знал, что там,
За третьим поворотом,
Где на фронте серафим без крыл, —
Те самые чугунные ворота,
Что он во сне уже давно открыл.
И во дворе, обрызганный лучами,
Что про запас ушедший день сберег,

Тот самый дом,
Что мысленно ночами
Уже исхожен вдоль и поперек.
Должно быть, жутко у его порога,
Когда, остатки бодрости губя,
Уныло и по-стариковски строго
Он сотней окон смотрит на тебя.

А может, глянет вовсе не сурово?
А вдруг скользнет в его улыбке май?
И он промолвит запросто:
– Здорово!
Я ждал тебя.
– Я прибыл. Принимай...
– Работа не из легких.
– Я не дрогну.
– Не хватит дня.
– Я буду по ночам, —
Ты только дай мне дальнюю дорогу,
Ты только сделай из меня врача!

Громады серых заспанных кварталов,
Булыжно-сизый глянец мостовой,
Расщелины чернеющих порталов,
Бульвары, окропленные листвой —
Все проносилось мимо,
Пролетало,
С мечтой как будто заключив пари.
Он мчал,

Покуда на пути не встало
Пылающее зарево зари.

3

Еще в соку сады всего Союза,
А уж в Сибири надписи висят:
«Водители! Остерегайтесь юза!»
И ниже лаконично: «Листопад!»
Мы листопад увидим без подсказок.
Но это значит, что пришла пора
Неповторимых сочетаний красок,
Особенно волнующих с утра.
Пусть солнце за горами, за долами,
Пусть только просыпается оно,
Но вон уже вдали, за куполами,
Огнем восхода небо зажжено.
И кажется —
Дробясь, ложится даль та
На зелень увядающей травы,
На черные полотнища асфальта
Осенними заплатами листвы.

Он все стоял, от красоты немея,
Застигнутый врасплох на полпути,
По-детски не стремясь и не умея

Нахлынувших раздумий обойти.
Он все смотрел, как шире простирался
Сплошной поток холодного огня,
Как будто в нем он высмотреть старался
Неведомое завтрашнего дня.
И видел все:
Последние минуты
Последнего экзамена идут.
Он открывает двери института
И входит в долгожданный институт.
И как по нотам дальше.
И в конце там
Он видел ясно, так, что стыла кровь, —
Вот жало всемогущего ланцета
Он принял от седых профессоров.
И рукоплещет зала, залитая
Огнями люстр.

Потом вокзал. Гудок...
И вот опять поля, поля Алтая...
Знакомый с детства тихий городок...
На шпиле конь...
Перрон разноголосый...
А на земле та самая весна,
И кто-то юный и русоволосый
Не может оторваться от окна...
А он идет – и отступает тленье,
Он буйствует с ланцетом, как гроза,
И лезут из орбит от удивленья

Бутылочно-зеленые глаза.

Багровый шар ползет все выше, выше,
На горизонте вянут кумачи,
И вот уже ударили по крышам
Негреющие первые лучи.
И бросив рябь на вспыхнувшую воду,
Огромный город праздновал рассвет
Призывными гудками всех заводов,
Задорными клаксонами «Побед».

И мне б на карканье не строить музу,
От старческих брюзжаний я здоров.
Но хочется, чтоб лозунг
«Бойтесь юза!»
Предостерег не только шоферов.
Идея нот
Мне по душе, признаться,
Хоть я уверен, что во все века
От жизни нужно ждать
Импровизаций,
Поскольку жизнь – великий музыкант.
Но перед боем эту мысль не будят.
– Тебе пора, пожалуй?
– Да, пора.
– Ну, что ж, иди,
И пусть тебе не будет,
Как говорят, ни пуха, ни пера!

А мы, пока ты будешь непосильный
Свой труд вершить, в борении с собой,
Для ясности вернемся в город пыльный,
Так искренне оболганный тобой.

4

Там, где речушка сонно прошивает
Давно забытый глиняный карьер,
В избушке на отлете проживает
С 30-х вдовый,
Врач-пенсионер.
Ему привольно у речных разводий,
Где плесы голубого голубей.
Он для стола
Гусей себе разводит,
А для души —
Зобатых голубей.
На топливо берет со строек стружку,
Умеет сам стирать и сам варить,
Но все мечтает завести старушку,
Чтоб было с кем зимой поговорить.
Ему иного и не надо счастья,
И даже деньги не нужны ему.
Он только иногда, по женской части,
«Знакомых» принимает на дому.

Заплатят – ладно.

Не заплатят – тоже.

Его волнует лишь один вопрос —

Чтоб новый городок, избави боже,

Его домишко ветхонький не снес.

Ему излишне волноваться вредно,

Ни радостей не зная, ни тоски,

Он хочет только одного —

Безбедно

Доковылять до гробовой доски.

Ты стар,

И все, что просится наружу,

Я придержу, чтобы порыв ослаб,

И не единым словом не нарушу

Твоей спокойной жизни, эскулап.

А ты бы в ужасе развел руками,

Когда б сегодня кто-нибудь сказал,

Что у тебя за толстыми очками

Бутылочно-зеленые глаза.

А ты бы, верно, заболел падучей,

Когда б открыть, спокойствие губя,

Что в 45-м первый смертный случай

В бессмертный символ

Превратил тебя,

Что эту женщину любою силой

Ты должен был, пусть не спасти, —

Спасать!

Что кто-то клялся над ее могилой

Твою вину
Всей жизнью доказать,
Что этот «кто-то»
В трудную дорогу,
Не ждя достатка, вышел налегке,
Чтобы вернуться к твоему порогу
С непогрешимым скальпелем в руке.

Ты стар и слаб.
Я промолчу. Я скрою.
Но если б к прошлому тебя я возвратил,
Ты б за дорогой моего героя,
Должно быть, слишком пристально следил.
Ты б, рот скривя в улыбке осторожной,
Своим злорадством подглядел тайком,
Как отвечал он на билет несложный
Дубовым, сучковатым языком;
Как он не брал спасительных записок,
Как клял себя, с экзамена идя;
Как десять раз читал он куцый список,
Фамилии своей не находя;
Как на фронте, тайно от народа,
Кивнул ему бескрылый серафим
И черные чугунные ворота
В последний раз захлопнулись за ним;
Как повзрослело сердце первой раной,
Как завершился в жизни первый юз
Короткой и тревожной телеграммой:
«Не поступил, но на год остаюсь».

И снова боль.
И снова в сердце жжение...
Все очень худо.
Хорошо одно:
Что разговор с тобой – предположение,
Несказанного слышать не дано.
А знай ты это —
Я бы не помешкал:
Лицом к лицу —
И палец на курок,
Чтоб ты не вздумал осквернить усмешкой
Тот самый первый жизненный урок.

Висит луна над горизонтом серым,
Влюбленных безответная раба.
Притихло все.
Лишь где-то за карьером
Клокочет водосточная труба.
Захлопнул ставни домик на отшибе,
Под легким ветром скрипнула доска.
Рожденная в дневном гусином шипе,
В сырую темень выползла тоска...
А ночь зовет к непознанным глубинам
Дымками легкой перистой шуги,
И тонут в воркотаньи голубином
Не по летам тяжелые шаги.
А в небе – тыщи звездных многоточий.
Ты, ночь, до точки говорить могла б.

Что ты скрываешь?..
Ну, спокойной ночи,
Прости за беспокойство, эскулап.

5

Темным-темно.
И только печка пышет
Голубоватым медленным огнем.

Давным-давно
Уехал и не пишет,
А ты все жди, а ты грусти о нем,
Когда лежит над миром ночь такая,
А ветер в окна – память вороша,
А ветер, ни на миг не умолкая:
– Ты хороша!
Ты очень хороша!..
Разносит эхо далеко-далёко
Тоску нестройных птичьих голосов.

А может, то
Не журавлиный клёкот,
А уходящей молодости зов?..
Четвертый час по голым веткам сада
Холодный дождь не устает частить.

А может быть...
А может быть, не надо
Ни ожидать,
Ни думать,
Ни грустить?
А может, просто —
Сердце взять и бросить
Навстречу искрам нового огня,
Вот в эту осень,
В золотую осыпь
Назойливую память оброня?..

На тыщи лужиц лунный свет дробится.
Промозглый мрак все гуще, тяжелей.
Ты слышишь, почта —
Надо торопиться!
Ни сил и ни стараний не жалеи!
Я не хочу, чтобы дозрела драма,
Я за героя своего боюсь!

Стучат.
– Войдите! Кто там?
– Телеграмма!
«Не поступил, но на год остаюсь».

Над целым миром стынет синь сквозная.

Льнет воронье к седому кедрачу.

– Год впереди. Как будешь жить?

– Не знаю.

– В слесарный цех пошел бы.

– Не хочу.

Поземки пряжа, тоньше паутинки,

Течет и обрывается вдали.

Изношены последние ботинки,

Истрачены последние рубли.

И ветер, сжалась, пал к ногам и замер.

– Скажи, поэт, за что же я побит?

Пусть я не помню,

Сколько в сердце камер,

Зато я знаю,

Сколько в нем обид.

И знаю так, как знают колкость ости,

Как застарелым ранам знают счет.

Я б, может, стал

Таким врачом со злости,

Каких на свете не было еще.

Себя до капли выжму, как мочалу,

Но в институт —

Ты слышишь! —

Попаду!

– Ты все забыл.

– Я все начну сначала.

– Ну, а пока в слесарный...

– Не пойду...

У горожан курьерская походка.

Колючий иней пал на провода.

Декабрьская суровая погода —

Сибирские седые холода.

Без сна три ночи.

Сложная задача

Вдруг не смежит заиндевевших век.

По городу без цели, наудачу

Шагает любопытный человек.

Чуть сбавил шаг,

И снова дрожь забила.

А ветер в душу, крупкою соря.

Нет! Что угодно, только не зубило.

Чтоб только не назад,

Не в слесаря.

Стал на минуту.

Ноги – как поленья,

Глаза дырявой варежкой протер

И прочитал такое объявление:

«Театру «Факел»

Нужен полотер».

Глава третья

1

Я слушаю с каким-то скверным чувством
Такие рассуждения, что, вот,
Поскольку уж не совладал с искусством,
Подамся я, пожалуй, на завод.
И лезет в цех с душою бородатой,
С одним талантом – наводит тоску.
Кому ты нужен,
Сонный соглядатай?
А ну-ка сгинь,
Не подходи к станку!
Здесь нужен люд,
Который рвется в драку,
Чтоб сотней дел
Венчать десяток слов.
Я, автор многочисленного брака,
Я знаю, что такое ремесло.
Обжегся раз, и больше не полезу.
Из всей науки вынес я одно —
Прочувствовать «печенками» железо,
Как цвет, как стих, —
Не каждому дано.

Не тратя сил,
Научишься не шибко.
И если лбом о стену – медь о медь,
Прок невелик.
Учиться на ошибках,
Как видно, тоже надобно уметь.
Не много толку,
Если вдруг, потупясь,
Врагам на радость и себе на зло,
Ты оправдаешь собственную глупость
Нелепым и смешным
«Не повезло»...

Ты грохнись так, чтоб затрещали кости,
И никого виновным не зови.
Пусть каждый промах
Дозой доброй злости,
Как шаг вперед,
Останется в крови.
И если каждый пень и каждый камень,
Что жизнь поставит,
К тридцати годам
Ты будешь помнить только синяками, —
Я сто небитых за тебя отдам.

Электрика рачительной рукою
Протерты люстры и потушен свет.
Минуты театрального покоя —
Спектакля нет и репетиций нет.
Смолк ненадолго шум неугомонный,
Короткий день к закату повернул.
На смертном ложе
Юной Дездемоны
Художник-исполнитель прикорнул.
Все как-то очень странно и нелепо:
Скрестив зеленоватые лучи,
Лежит недорисованное небо,
Торчат средневековые мечи...

Эх, мне б сюда!
Я не был бы в накладе.
Здесь высшая профессия нужна:
Здесь при скупом до юмора окладе
Работа до трагичного сложна.
Но ты взгляни на этот щит, на плотик —
Сработаны не на день, а навек.
Запомни, брат, что театральный плотник —
Поистине великий человек.
Да! Недоволен!

Требует и просит,
Чтоб по труду
К расценкам подошли!
Но он театра ни за что не бросит,
Не побежит на длинные рубли.

Так в чем же суть?
Со временем, к примеру,
Ты присмотришь, товарищ полотер,
Как яростно «болеют» за премьеру
Пожарник, осветитель и вахтер.
И как, украдкой с глаз отерши влагу,
Они в антрактах шепчут:
– Хороша!..
И как сияют, радуясь аншлагу,
Со сбора не имея ни гроша.
Эх, мне б сюда!
Я всей душой и телом
В мельчайшие подробности пролез
И описал бы,
Как живое дело
Рождает бескорыстный интерес.
И всех, кому не худо подлечиться
От алчности и прочих зол мирских,
Я посылал бы
Честности учиться
К друзьям из театральных мастерских.
Ни попрекать не стану, ни грозиться,
Но я хочу,

Чтоб впрок пошла беда,
Чтоб ты хоть этой жизнью заразиться
Сумел неизлечимо,
Навсегда.

Пока мы здесь в самокопанье дремлем,
Пока плетется анемичный стих,
Идет, как буря, по целинным землям
Бунтующая сила молодых.

И, может, мир не знал нетленной темы.
И вижу я, за часом час губя —
Потомство с нас потребует поэмы

Про этот труд.

Про них – не про тебя.

Но только нет.

Не сгоряча, не с маху.

Молчи,

Пока под сердцем не нашлось

Тех самых строк, что лягут на бумагу

И, не дымя, прожгут ее насквозь.

.....

Нет, я Алтай открытый не открою.

Что знал о нем я?

Знал я лишь одно —

Что там живет любимая героя

И что герой ей не писал давно.

Темным-темно...
И только в печке угли
Нет-нет да пыхнут голубым огнем.
Давным-давно
Поблекли и потухли
Все те воспоминания о нем,
Что жили в сердце, словно на постое,
Спокойно, тихо, не тревожа сна.
Что ж это было?
– Это?
Так. Пустое...
Ошибка. Просто... молодость.
Весна...

Растем, друзья!..
Растем, как на опаре.
Ну что ж, уйду.
Пусть встреча без помех.
Сейчас сюда придет красивый парень,
Неробкий незнакомый человек.
Он скажет, что хорошая погода,
Неплохо б вместе на каток пойти,
Что, вот, сошел с конвейера завода
Сегодня первый дизельный НАТИ.

И это важно.
Это очень важно.
Да, в общежитьи.
Все дела, дела...
Но будь на свете меньше душ бумажных,
К весне, наверно б, комната была...

Крепись, герой!
Я нерадивый школьник:
Пришлось почти такое пережить,
А формул нет, чтоб этот треугольник
Легко и безболезненно решить.
И это хорошо...
И очень скверно.
Ну что ж.
Я только автор, а не сват.
Что делать?
Делать нечего, наверно.
Кто виноват?
Никто не виноват.

4

От почты мы, должно быть, все зависим.
Порой полгода, шутка ли сказать,
Все ждешь и ждешь

Каких-то важных писем,
А сам вот не умеешь их писать.
Так просто это и так сложно это...
Тетрадный лист —
И тот уже вспотел.
Должно быть, умер, не открыв секрета,
Последний спец эпистолярных дел.
Хоть ты бы, ночь, подсказкой прозвучала!
Темно и тихо.
Канул час, другой.
Четвертое,
Десятое начало
Дочитывает медленный огонь.

Что ей писать?
О том, что, вот, на щетке
Пять месяцев отплясывать пришлось?
Что эта полотерская чечетка
Дала поесть и отобрала злость?
Что ты теперь скучнейшее из пугал,
Что только в прошлом видятся бои,
Что навсегда, должно быть,
В дальний угол
Зброшены учебники твои?..

Что ей писать?
Я разочтуса делом.
Найди слова!
Наставь меня на путь.

Ведь, кроме глупостей,
Я ничего не сделал
И вряд ли сделаю когда-нибудь...
Ползут в пролет окна ночные тени.
Сочится в душу липкий холодок.
В который раз болезненным виденьем
Встает алтайский тихий городок.
На шпиле конь...
Перрон разноголосый...
А на земле – та самая весна,
И кто-то юный и русоволосый
Не может оторваться от окна...

А может, лучше
Чуть поменьше перца?
А может, лучше
Все-таки назад?
А может, проще
Вытравить из сердца
Бутылочно-зеленые глаза?
И выучиться
Радоваться крову,
Чтоб лоб – холодный,
На душе легко.

А может, лучше
Завести корову
И просто пить парное молоко?
Что ей писать?..

В каком, каком плену ты!
Где сила? Где?
На что ты уповал?
И прямо на пол падают минуты,
Убитые смятеньем наповал.

Как ей писать?
Ты, сердце, кровью брызни.
Я не доверю холоду чернил
Слова возврата к той бескрылой жизни,
Что ненавидел так и так чернил.
Какая тишь...
Как будто там, за рамой,
Как будто в целом мире – ни души.
Стучат.
– Войдите! Кто там?
– Телеграмма.
«Я вышла замуж.
Больше не пиши»...

5

На доброту не принято коситься,
Но иногда и добродетель – зло.
Тот не рискнет со мной не согласиться,
Кому хоть раз нехстати повезло.

В высоком
Финиш – часто старт смешного.
Но так и не замкнулся этот круг.
Она взяла в искусстве слишком много,
Чтобы играть характерных старух.

То был закат.
Закат большого солнца.
Ей памятна навечно та пора,
Когда, как дети, плакали «гасконцы»,
Слезами орошая «кивера»,
И от оваций вся земля дрожала,
И буря подымалась в груди,
И слава,
слава,
слава провожала
Актрису на нехоженом пути.

Но время шло.
И это так не ново,
Что в срывах стало некого винить,
Что не хватило гения портного
Законы разрушенья отменить.
«Роксана» потучнела и увяла.
В корсете, без корсета ль —
Все равно...
Уже другая поросль вдохновляла
На подвиги поэта Сирано.

Не злилась.

Нет.

И зависть не копила.

Никто упрек не смеет бросить ей!

Она подмостки честно уступила

Сияющей сопернице своей.

Во имя чести

Нужно было сдаться.

Она сдалась, сошла.

А между тем,

Там, где хватило силы не остаться,

Вдруг не хватило, чтобы уйти совсем.

Пускай не жизнь.

Пускай хоть бледный сколок,

Чтоб только здесь,

Где все до слез свое...

Пять лет прошло,

И этих книжных полок

Уже нельзя представить без нее.

Пять лет,

Пять лет все мимо проплывало —

И радости, и горести игры.

Пять лет она для труппы открывала

Нечитанные книжные миры.

Так много вышло, что и ныне живо,

За тыщи долгих лет из-под пера,

Что юность

Все «на после» отложила.
И только с сединой пришла пора
Собрать всю эту россыпь по крупице,
За каждой фразой постоять, пожить...
Так вправе только тот не торопиться,
Кому уж больше некуда спешить.

А ей уже казалось очень странным,
Что, вот, энтузиастов не найдешь,
Что не читать,
А заводить романы
Предпочитает нынче молодежь,
Что в формулярах до смешного чисто,
А кто читает – слишком стар и сед.
И мучилась душа пропагандиста
Отсутствием объекта для бесед.

Уменье ждать —
Великое уменье.
Уменье ждать
Всегда берет свое.
– Вы не актер?
– Я? Нет...
И тем не менее,
Он как-то сразу покори́л ее.
Тем, что без дела не умел шататься,
Тем, что незнания вовсе не скрывал,
И тем, что самых длинных аннотаций
Он никогда ничем не прерывал.

Она с особой радостью давала
Свои святыя книги пареньку,
Но с тайной грустью все ж подозревала,
Что он читает их через строку.
И этого она бы не простила.
Но без остатка разлетелась грусть,
Когда, уставясь в пол, он отбубнил ей
Четыре акта пьесы наизусть.

Ни грустных глаз,
Ни злобного оскала.
Лицо – как камень.
Вспыхни!
Освети!
Нет божьей искры...
Но она искала
И сердцем не сумела не найти.
Кто долгождан, тот и за это ценен,
И тут уж суть, пожалуй, не важна.
– Как – полотер?
Он должен быть на сцене!
Да, да! И это сделает она.

Имея рост и молодость, надейся —
Когда-нибудь сыграешь все равно.
И в роли бессловесного гвардейца
Герой на сцену вышел в «Сирано».
Пускай ему не пели дифирамбов.
«Доспехи» снял, от счастья чуть дыша.

Еще один убит огнями рампы.
Наденьте траур, добрая душа.

6

Смешно и больно.
Время тает, тает...
Ну что ж.
Весна – она спешить права.
И с каждым днем быстрее облетает
Седая календарная листва.
Еще вчера стекло —
В морозных фресках,
Но слышите, как где-то вдалеке,
Вдруг охнув,
Раскатился гулким треском
Бугристый лед на дрогнувшей реке.
Как будто где-то оборвало тросы,
И сила бродит, слабых мест ища.
Минута...
Две...
И вздыбились торосы,
Аршинными торцами скрежеща.
А через день уж снегу негде деться,
И солнце вот-вот вырвется в зенит.
Помедли время!

Дай хоть оглядеться!
Как воздух оглушительно звенит,
Как звонко в кроны
Кровь земли стучится
Как сердце рвется вдаль,
В поля,
В бега!..
И по Оби все мчится,
мчится,
мчится
Последняя холодная шуга.

Глава четвертая

1

Не объяснить, пожалуй, в чем причина,
Не указать, которого числа,
Но если я действительно мужчина,
То зрелость
После армии пришла.
Привет-поклон тебе, казарма взвода,
Треклятый плац, привет тебе, привет!
Вы мне растолковали
За три года,
Чего не мог постичь я
Двадцать лет.
Припомнишь все —
Что лестно, что не лестно...
Но я скажу, и мог бы повторить,
Что армия – единственное место,
Где учат делать, а не говорить.
Чабрец у скатов.
Щавель бородатый.
На лысых сопках – камни-валуны.
И вдруг – казармы.
Здесь живут солдаты —

Великие работники страны.

Сквозной забор.

Ряды кленовых прядок.

Два-три насмерть застриженных куста —

Сухой геометрический порядок,

Солдатская святая чистота.

Клюют носами в сук вороны-сони —

Сегодня жди добавочных костей:

Согласно древних правил, в гарнизоне

Большим обедом потчуют гостей.

В гражданке что —

Хоть с полдня и до сна ешь.

А тут команда – встань и не ворчи.

О! Да тебя не сразу и узнаешь.

– Ну, как, герой, казенные харчи?

Стоит он, чуть сутулясь от укола,

С лицом сурово-важным, как мандат.

А тальи нет.

И гимнастерка колом —

Типичный начинающий солдат.

Ему еще и строй – большое бремя.

Что там харчи?

– Тут дело не в харчах.

– А в чем тогда?

– Да вот... Уходит время.

Не вышло, видно, из меня врача.

Все моем, чистим, словно перед свадьбой,

Устав зубрим, шнурки из кожи вьем.

Что день грядущий мне готовит, знать бы
– Всему свой срок.
Увидим, доживем.

2

Мое сравненье – не большая новость.
Никто не станет отрицать того,
Что если служба – это как бы повесть,
То карантин – лишь азбука всего.

В нем *аз* —
Конец развинченной походке.
В нем *буки* —
Шомпол, ветошь, карабин.
В нем *веди* —
Философия обмотки
И тьма не мене сложных дисциплин.
А дальше —
Цепь запретов и наказов,
Где крепче стали каждое звено:
Беречь мундир.
Не обсуждать приказов.
Учить уставы.
Не быть болтуном.
Иметь в ушанке нитку и иголку.

Знать назубок мортиру и ТТ.
Не пить.
Не ныть.
Не бегать в самоволку.
Быть честным, смелым, сильным
И т. д.

Мне б написать в картинах эти звенья.
Но я начну,
Чтоб не пропал замах,
Военной жизни первые мгновенья
С второго оформления бумаг.

3

Армейский писарь, щеголь и повеса,
Ладонью лоб нахмуренный потер
И записал:
«По роду службы —
Слесарь,
А по последней должности —
Актер».
Не то, чтобы его вгоняли в слезы,
Но плоскостей был океан пролит.
Обшучивать подобные курьезы
Веселым людям сам господь велит.

Но мы пока оставим юмористов.
Важнее то, что он один в полку
Из всех новоприбывших металлистов
Поставлен был не в строй,
А к верстаку.
Итак, прощайте, плацы, полигоны, —
На старом месте – новая заря.
В руках напильник,
На плечах погоны...
Судьба, должно быть,
Снова в слесаря.

Мильоном дел шумит, гудит эпоха,
А выбор прост, как хинный порошок:
Или крепиться и работать плохо,
Или работать очень хорошо.
Решишь попробуй...
Голова, как вата.
Кровь засыпает, чуть в виски стуча.
И то, и это было горьковато
Для человека с будущим врача.
Ему, конечно, и во сне не снилось
Быть у лихого воинства в чести.
Здесь выше прочих доблестей ценилось
Уменье на ходу изобрести.
Вполне хватает выдумки мышиной,
Где вам не могут предложить всерьез
Из двух гвоздей и пищущей машины
К семи ноль-ноль сработать...

Паровоз!
А тут —
Заданье выслушал покорно,
На бедра – фартук, в руки – молоток,
И завтра на побудке вместо горна
Все стекла в окнах расколол гудок.
Здесь емче слова звонкое железо.
Здесь нужен был
Поэт и металлист.
И приуныл
«По роду службы —
Слесарь,
А по последней должности —
Артист».

4

В двенадцать,
Выйдя из-за сопок дальних,
Чтобы служивым не наделать зла,
Ночь благородно обошла дневальных
И незаметно к нарам подползла.
Все тихо-тихо...
Только вдруг проблеет
Какая-то приبلудная коза.
Спокойной ночи.

Веки тяжелеют.
Приятных снов.
Смыкаются глаза.

Приходит крепкий сон.
И с этих пор мы
В плену у старых радостей и ран.
Цвета ветшают, мир меняет формы,
Фантазия включает свой экран.
Плакат вбирает краски гобелена,
Уходит в своды плоский потолок...
И вот,
Припав на левое колено,
Дневальный произносит монолог.
Он, к небесам протягивая руки,
Прощается с неласковой землей,
И гаснут,
гаснут в темном зале звуки.
Театр поперхнулся тишиной.
Так вот оно —
Великое начало!
Так, значит, ожидание не зря —
Да здравствуют Шаляпин и Мочалов
В одном лице,
Прекрасном, как заря!
Шумят над речкой бутафорской лозы,
А он не хочет замечать того,
Как кто-то юный и русоволосый
Из дальней ложи смотрит на него.

Он говорит,
Что путь лежит на Альпы,
Сквозь царство снега, смерти и ветров,
И в подтвержденье вдруг хватает...
скальпель
И делает из скальпеля... ведро.
Все как-то слишком грубо и не мудро:
Ведро – понятно.
А зачем о ней?
Но сон есть сон.
И все решает утро,
Которое гораздо мудреней.

5

Восход приноровился к распорядку,
И честно ждали первые лучи,
Пока сигнал:
«Закончить физзарядку!»
Сыграют удалые трубачи.
Еще над миром тишина, как шуба,
И только вдруг:
– На ру-ку!
– На ре-мень!
Без пехотинской суеты и шума
Артиллеристы начинают день.

И лишь ему с утра – в немолчный грохот.
Чтобы явить слесарное нутро,
Из старых банок
«Концентрат гороха»
Он должен сделать новое ведро.

Игривый тон да не поймется ложно.
Я знаю, кроме всякой чепухи,
Что делать ведра —
Это так же сложно,
Как понимать хорошие стихи.
Тем более —
Паяльник нужно бросить:
В полку посуду пробуют огнем.
Тем более —
Заказчик очень просит,
Чтоб были ребра жесткости на нем.
Все глупо так,
Хоть провались на месте,
Еще до старта предрешен финал —
Как человек, он мало знал о жести,
А как жестянщик, ничего не знал.

Но скажешь разве —
Вот, мол, незнакомо?
Чего не знаешь,
В том твоя вина.
Итак, заказчик обеспечен комом
В связи с законом первого блина...

Но если робость сразу не скосила,
Но если злостью скомкано нытье —

Законы

Вдруг утрачивают силу,

И буйно просыпается

Чутье.

Пусть было рваным жесткое стаккато

И молоток к ладони прикипал,

Но он за четверть часа до заката

Жонглерским жестом

Дужку приклепал.

Конец подводным отмелям и рифам! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.